
ПРЕДИСЛОВИЕ

Феномен старчества уже более столетия привлекает внимание светских исследователей, патрологов и публицистов вне зависимости от страны или вероисповедания. Древнее египетское и палестинское старчество было хорошо изучено целым рядом западных исследователей (И. Осэр, Ф. Шпидлик, Г. Бунге и др.), тогда как русские ученые В. И. Экземплярский, И. М. Концевич, митр. Трифон (Туркестанов) посвятили свои работы русскому старчеству. Уникальный характер последнего связан в первую очередь с тем, что оно было открыто ко всем слоям общества: крестьянству, интеллигенции, дворянству. В Оптину Пустынь совершали паломничества и переписывались с ее старцами И. В. Киреевский, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и многие другие. Когда один из священников возмутился, почему старец Лев (Наголкин) столь много времени уделяет церковному люду, то старец ответил, что приходские священники либо их не слушают, либо слушают недолго, а монахи стараются выслушать их полностью.

В XX веке наша страна переживала особенно тяжелые времена. Русская Православная Церковь прошла через горнило многолетних гонений и преследований. Было сметено с лица земли множество храмов, погибли десятки тысяч священнослужителей. Но даже такие беспрецедентные по масштабу гонения не смогли подточить веру в народе. Наоборот, многие в результате гонений пришли от внешнего, формального благочестия к внутренней глубокой вере во Христа. В 1937 году, через двадцать лет после начала гонений, когда проводилась всесоюзная перепись населения, на вопрос о религиозной принадлежности 56 процентов жителей СССР ответили: «православный христианин». И это были уже не те дореволюционные православные, которые воспринимали веру как должное, но те, кто сознавал, что за исповедание Христа можно лишиться жизни.

Отец Иоанн (Крестьянкин), пройдя через многочисленные тюрьмы и лагеря, стал одним из последних звеньев в золотой цепи русского старчества. Мне посчастливилось знать его на протяжении многих лет.

Вспоминаю свое первое посещение Псково-Печерского монастыря. Было мне тогда лет тринадцать, и на зимние каникулы я приехал в Печоры. Каждое утро около шести

часов растворялись монастырские ворота и я оказывался в каком-то волшебном царстве, отделенном от внешнего мира высокими и глухими каменными стенами. В этом царстве, наполненном неземной тишиной, всё было необычно, возвышенно, чудесно. Даже воздух казался иным. Долгие монастырские службы, монашеское пение, колокольный звон, иноки в рясах и черных клобуках, бесшумно передвигавшиеся по зимнему снегу, — всё это производило неотразимое впечатление.

В один из сумрачных и морозных дней той далекой зимы я увидел на дворе Псково-Печерского монастыря толпу людей, преимущественно женщин, одетых в теплые пальто и шерстяные платки. Выражение их лиц, сумрачное и озабоченное, вполне соответствовало погоде. Вдруг я заметил, как из дверей братского корпуса вышел пожилой монах невысокого роста, в черной рясе и скуфье, с распущенными серебряными волосами. Как только он появился, толпа ринулась к нему навстречу: люди бежали, обгоняя друг друга, спеша получить его благословение. Лицо старца сияло, подобно весеннему солнцу, и на лицах людей засветилась радость.

Это и был отец Иоанн (Крестьянкин), имя которого уже тогда было окружено всероссийским почитанием. Ради того, чтобы увидеть его, чтобы получить его благословение или совет, тысячи людей со всей России стекались в Псково-Печерский монастырь — один из тех немногих духовных центров, которые остались незакрытыми и неразрушенными в советские годы. Отец Иоанн прожил в этом монастыре несколько десятилетий. Перед дверью его кельи всегда сидели посетители, а когда он шел в храм на богослужение, паломники окружали его плотным кольцом.

Для каждого отец Иоанн находил доброе слово, каждого умел обласкать, утешить, духовно укрепить. Помню беседы с батюшкой в его келье. У него была характерная манера сажать собеседника рядом с собой и во время разговора класть руку на его плечо, а иногда даже упираться лбом в лоб собеседника. От отца Иоанна всегда исходили необыкновенная теплота и энергия. По окончании беседы отец Иоанн помазывал посетителя освященным маслом, давал с собой иконки, антидор, снабжал духовной литературой, которой тогда так не хватало.

Советы отца Иоанна были простыми и здравыми. Не помню случая, чтобы он навязывал какое-либо решение. Он всегда подчеркивал, что каждому человеку Богом дарована свобода, и никакой духовник, никакой старец не мо-

гут ее нарушить. Все ответственные решения человек должен принимать сам и за благословением приходить тогда, когда решение внутри уже созрело, когда нет колебаний, сомнений. В своих письмах отец Иоанн говорит: «Никто за нас не может решать наших жизненно важных вопросов, и даже в прежние времена старцы не командовали наследием Божиим. Обдумывать, на что брать благословение, должен сам человек. Приказов в духовной жизни быть не может».

Не помню, чтобы я когда-либо приехал к старцу для решения тех или иных «жизненно важных вопросов» или «проблем»: как правило, я приезжал за духовным советом или просто для беседы. Когда по окончании службы в армии я решил принять приглашение архиепископа Виленского и Литовского Викторина приехать в Литву, чтобы поступить в Свято-Духовский монастырь, я попросил на это благословение у отца Иоанна. У меня не было сомнений в правильности избранного пути, и я не спрашивал отца Иоанна, например, жениться мне или принимать монашество, служить в Церкви или оставаться в миру. В то же время я испытывал трепет перед высотой священнического служения и потому нуждался в духовном укреплении, в молитве и благословении старца. Он дал это благословение без колебаний, сказав: «Ты нужен Церкви». И в последующие годы я постоянно чувствовал его молитвенную поддержку и помощь.

Отец Иоанн был пламенным молитвенником и ревностным совершителем богослужений. Его служение было вдохновенным, молитва проходила через него, заполняя всё его существо, глаза его были устремлены к небу, ничто земное его не отвлекало. Возгласы он произносил громко и внятно. Иногда он даже как будто приподнимался на цыпочки, словно готовый воспарить в небеса. За богослужениями, совершаемыми отцом Иоанном, невольно вспоминался другой всероссийский светильник — святой праведный Иоанн Кронштадтский, которого отец Иоанн глубоко почитал.

Моя последняя встреча со старцем произошла за несколько месяцев до его кончины. Открыла дверь его многолетняя верная помощница Татьяна. Старец сидел в белом подряснике, с белыми распущенными волосами. Во всем его облике было что-то неземное, ангельское, чувствовалось, что его душа уже пребывает на небесах и лишь тело временно задержалось на земле. В то же время он сохранял ясность мысли и какую-то детскую веселость, которая от него передавалась всем, кто с ним встречался. Не было ничего трагического в облике этого почти столетнего старца:

наоборот, его благообразный лик излучал тишину, свет и покой. На прощание батюшка попросил у меня благословения и даже громко пропел «Исполла эти дэспота». Я, в свою очередь, попросил благословения у старца, и он осенил меня широким крестом.

«Христианство — это подвиг жизни, это крестоношение, это труд», — пишет отец Иоанн. Его собственная жизнь была подтверждением этих слов. Он был рукоположен в священный сан в год окончания Великой Отечественной войны, но уже спустя пять лет оказался в заключении. После семи лет лагерей и ссылок отец Иоанн двенадцать лет служил на приходах, и за эти годы его шесть раз перемещали с одного прихода на другой. В 1966 году он принял постриг от одного из абхазских пустынников и в 1967 году поступил в Псково-Печерский монастырь. После этого — почти сорок лет подвижнического труда по духовному окормлению сотен и тысяч православных верующих.

Духовная свобода, по словам отца Иоанна, «покупается дорогой ценой страданий». Эту цену заплатили многие тысячи Новомучеников и Исповедников Российских, отдавших жизнь за веру и Церковь в лютую годину гонений. Цену страданий заплатил и сам отец Иоанн. Ему суждено было пройти через тяжелые испытания, но Господь сохранил его жизнь — сохранил для всех нас, чтобы мы «порадовались при свете его» (Ин. 5:35). Он прожил жизнь исповедника и подвижника, и не случайно, что именно в день памяти Новомучеников и Исповедников Российских Господь призвал к Себе Своего верного служителя.

Книга, которую читатель держит в руках, — не только дань памяти этому великому человеку, но и очень важный вклад в изучение феномена русского старчества. Основываясь на архивных материалах, воспоминаниях современников, многочисленных письмах, словах и проповедях отца Иоанна, в которых его голос сливается с голосами его современников, В. Бондаренко живописует перед читателями цельный и живой образ старца и картину столь непростого для России XX столетия. Надеюсь, что эта книга откроет новые грани личности старца тем, кто помнит и любит его, а у тех, кто впервые узнает о нем, вызовет искренний интерес к жизни и вере этого великого подвижника.

*Митрополит Волоколамский
Иларион,
3 декабря 2018 г.*

*Посвящаю светлой памяти
монаха Лазаря (Афанасьева, 1932—2015)*

О, какое же это счастье, ни с чем
не сравнимое, — верить в Бога,
любить Его, страдать за Него!

Преподобный Серафим (Романцов)

Православие нельзя рассказать, его
можно только показать жизнью.

*Святейший Патриарх Московский
и всея Руси Алексей II*

ОТ АВТОРА

Читатель держит в руках биографию знаменитого подвижника православной веры — архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Первые шаги для того, чтобы обобщить жизненный и духовный опыт великого старца, были приняты еще при его жизни. Сначала архимандрит Тихон (Секретарев), наместник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, где в 1967—2006 годах подвизался о. Иоанн, попросил близких к нему людей написать о нем воспоминания. Но эта затея потерпела неудачу — все, к кому обратились с просьбой, отказались на том основании, что сам о. Иоанн не одобряет «прославителей и прославительниц». Тогда отец наместник обратился к самому батюшке — и столкнулся с энергичным отпором:

— Какие еще воспоминания? О ком это? О человеке, проведем всю свою жизнь на ярмарке? Обо мне одно воспоминание — поживе и умре, поживе и умре!

Зная скромность старца, архимандрит Тихон привел другой аргумент:

— Батюшка, писать о Вас всё равно будут непременно, но именно те, кто мало что знает, но много выдумает. И тогда измышлениям о Вашей жизни не противопоставится правда. Да и возможность злонамеренно использовать Ваше имя не исключена.

Отец Иоанн задумался. После долгого молчания он перекрестился и благословил на труд, добавив одно пожелание:

— Только акафистов мне не пишите.

— Может, будет правильно подключить к работе писателя-профессионала?

— Нет, нет, сами пишите, кто был рядом, кто видел меня, и кого знал я.

А келейнице Татьяне Сергеевне Смирновой потом добавил:

— Ну уж раз говорят, что это необходимо, то делай сама, но смотри, чтобы не было выдумок и глазки-то у вспоминальщиков не блестили, но говорили лишь о том, что я дал вам видеть.

Своему духовному чаду о. Тихону (Шевкунову), ныне митрополиту Псковскому и Порховскому, о. Иоанн также дал своеобразный наказ:

— Вот, скоро я умру. Поэтому потрудись, напиши то, что ты помнишь и хочешь сказать обо мне. А то потом вы всё равно будете писать и такого можете надумать, что будет как у бедного отца Николая (о. протоиерея Николая Гурьянова. — *В. Б.*), который и «котиков воскрешал», и другие небылицы. А тут я сам всё просмотрю и буду покоен.

Так начался сбор материалов для биографии о. Иоанна, впоследствии положенных в основу книг архимандрита Тихона («Земной Ангел и Небесный человек» и «Христов пастырь») и Т. С. Смирновой («Память сердца» и «Божий инок»). Их главные достоинства — личное общение авторов с о. Иоанном на протяжении длительного времени, благоговейная любовь к своему герою, масса бесценных подробностей и документов, опубликованных впервые.

Не менее важным является и другой завет, данный о. Иоанном в одном из писем: «Читайте литературу репринтного издания, а не современную, где много фантазии и даже лжи, да еще без цензуры изданную».

Таким образом, биограф о. Иоанна находится в сложном положении — ведь старец был против изложения своей жизни на бумаге человеком, которого он не знал лично, хотел сам заверить текст написанного и к тому же весьма неллицеприятно отзывался о современной литературе. Однако прав был и архимандрит Тихон: невзирая ни на что, о старце уже писали, пишут и, несомненно, будут писать еще долгие годы. Желание постичь его загадку, осмыслить колоссальное воздействие о. Иоанна на жизнь нашей страны в XX и начале XXI века возникает у самых разных людей — и тех, кто общался с батюшкой при жизни, и тех, кто знал его лишь заочно, и тех, кто открыл его для себя после его ухода. Так что появление новых очерков, статей и книг о нем закономерно и неизбежно.

К такого рода попыткам прикоснуться к чуду о. Иоанна относится и настоящая его биография. К сожалению, автор не имел счастья знать своего героя при его жизни и общаться с ним. Поэтому при написании книги была использована вся доступная литература об о. Иоанне, созданная на данный момент, документальные фильмы о нем, материалы архива Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и других архивов, публикации в прессе и Интернете, устные воспоминания людей, лично знавших старца. В ра-

боте автор строго руководствовался рекомендацией самого о. Иоанна — не писать ему акафистов, то есть хвалебных песнопений. Смеем заверить читателя, что эта книга — не акафист, не житие святого, не словесная икона, где изображен некий идеальный образ. Отец Иоанн Крестьянкин шел к себе самому через длинную цепь сложных испытаний — и духовных, и телесных. Тем поучительнее итог его жизни, продолжающей светить нам и сегодня. Нет здесь и фантазий, и лжи, присущих, как с грустью констатировал о. Иоанн, современной литературе: биография — не роман, и придумывать занимательные ходы для пушек «читабельности» непозволительно, тем более что правда о жизни о. Иоанна увлекательна и поучительна сама по себе. Ряд предположений, высказываемых автором в книге, основан на имеющихся в его распоряжении фактах и не претендует на истину в последней инстанции.

Не менее важным оказался завет, данный о. Иоанном издателям его проповедей: «Молчание — тайна будущего века, и я уже ухожу в молчание. Но если кому-то будет польза от того, что говорилось мною ранее, то да благословит вас Господь на дело сие, но не нам, не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113: 9). Покажите наше время, жизнь Церкви и дух Ее соборности». Хотя это пожелание и не относится напрямую к биографу, слова «Покажите наше время, жизнь Церкви и дух Ее соборности» были тем камертоном, по которому автор старался настроить повествование.

А вот еще один завет о. Иоанна будущему биографу: «чтобы глазки не блестели», — при всем желании выполнить не удалось. Конечно же, это пожелание неосуществимо — у всех, кто соприкасался с о. Иоанном очно или заочно, так или иначе «глазки блестят» с первых же минут. Как говорил он сам, «тот, кто попал в мою орбиту, попал в нее навсегда». Автор надеется, что с прочтением этой книги число «попавших в орбиту» о. Иоанна увеличится...

Одному из своих корреспондентов, писавших о святом праведном Иоанне Кронштадтском, о. Иоанн советовал: «Молись ему теперь и увидишь, как его предстательством сама напишется работа о нем. Тебе на радость и утешение будет труд этот». Эти слова можно применить к работе над этой книгой — труд был радостным, и особую радость доставляло общение с людьми, которые помогали сделать рассказ об о. Иоанне ярче.

Автор выражает глубокую благодарность Патриаршему Экзарху всея Беларуси митрополиту Минскому и Заслав-

скому Высокопреосвященнейшему Павлу, благословившему его на создание этой книги и поделившемуся своими воспоминаниями об о. Иоанне; наместнику Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря в 1995—2018 годах архимандриту Тихону (Секретареву), благословившему на беседы с насельниками обители; помощнику о. Иоанна в последние годы жизни, благочинному Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандриту Филарету (Кольцову), поделившемуся яркими и эмоциональными воспоминаниями; насельнику Свято-Введенской Оптиной пустыни иеромонаху Платону — за ценные консультации по судьбе И. А. Соколова; насельнице Свято-Введенского женского монастыря (г. Орёл) монахини Анне — за воспоминания об орловских годах семьи Крестьянкиных; насельнику Сретенского мужского монастыря (Москва) иеромонаху Кириллу (Воробью) — за воспоминания об общении с о. Иоанном на рубеже 1980—1990-х годов.

Поистине бесценным было общение с людьми, шедшими по жизни с о. Иоанном долгие годы, его духовными чадами. В первую очередь, это келейница и письмоводитель Татьяна Сергеевна Смирнова (Печоры), хранительница архива и духовного наследия старца. Бережно сохранили у себя дома всё, связанное с о. Иоанном, Алексей Борисович и Марина Викторовна Ветвицкие (Москва), чья квартира была «штабом» батюшки во время его наездов в столицу. Алевтина Петровна Мизгирева (Москва) и Антонина Алексеевна Черенкова (Ермишь) рассказали о встречах с о. Иоанном времен его служения на рязанских приходах. Ольга Борисовна Сокурова и Глафира Павловна Коновалова (Санкт-Петербург) — об общении с ним на протяжении 1970—1990-х годов.

Очень важной была добрая, вдохновляющая поддержка со стороны старших коллег по серии «ЖЗЛ» — Юрия Михайловича Лощица (Москва) и Валерия Николаевича Сергеева (Ростов Великий). Выдающийся русский искусствовед, без преувеличения великий знаток иконописи, автор неоднократно изданной в серии «ЖЗЛ» и за рубежом классической биографии «Андрей Рублев» В. Н. Сергеев оказал автору большую честь, специально для этой книги написав обширный мемуарный очерк о своем послевоенном детстве в Измайлове и встречах с о. Иоанном в конце 1940-х годов. К сожалению, этот очерк оказался одной из последних его работ — Валерий Николаевич ушел из жизни 29 апреля 2018 года, за два дня до своего 78-го дня рож-

дения, на следующий день после ухода Печерского старца Адриана (Кирсанова)...

Хочется сказать слова искренней благодарности в адрес земляков о. Иоанна, знатоков истории города Орла и Орловского края — Анатолия Ивановича Перельгина, Анатолия Константиновича Мищенко, Андрея Валерьевича Дунаева, Дарьи Юрьевны Фурманской, — каждый из которых так или иначе был причастен к появлению этой книги. Особый вклад внесли руководитель Орловского отделения Общества исторического просвещения «Двуглавый орёл» Константин Борисович Грамматчиков и краевед Александр Михайлович Полынкин (поселок городского типа Покровское Покровского района Орловской области), любезно предоставивший в распоряжение автора обнаруженные им в Государственном архиве Орловской области материалы о роде Крестьянкиных. Находки А. М. Полынкина по праву могут считаться генеалогической сенсацией, ведь они вводят в научный оборот новые данные о семье о. Иоанна.

Также автор приносит сердечную благодарность за помощь в работе над книгой Максиму Владимировичу Мисько, Александру Владимировичу Чирко (Минск), Зиновию Александровичу Чеснокову, Денису Глебовичу Подвойскому (Москва), Юрию Вениаминовичу Гераськину, Игорю Васильевичу Евсину, Игорю Николаевичу Гребенкину, Петру Владимировичу Акульшину, Михаилу Евгеньевичу Савостьянову, Елене Феликсовне Яшагиной (Рязань), о. протоиерею Михаилу Аблязову, Николаю Семеновичу Мишину, Надежде Николаевне Игнатовой (село Троица Спасского района Рязанской области), Римме Павловне Ларкиной (село Половское Спасского района Рязанской области), Максиму Ивановичу Кузнецову (село Надежка Ермишинского района Рязанской области), о. протоиерею Петру Сосновикову, Павлу Владимировичу Булгакову (село Борец Сараевского района Рязанской области), Галине Александровне Ларчевой, о. Сергию Правдолюбову, Александре Владимировне Правдолюбовой (Касимов), о. Симеону Правдолюбову (поселок Сынтул Касимовского района Рязанской области), Владимиру Владимировичу Глинскому, Дмитрию Даниловичу Ковалику (Печоры), сотрудникам Центрального архива ФСБ России (Москва), Государственного архива Орловской области, Орловского краеведческого музея, Орловской областной универсальной научной библиотеки имени И. А. Бунина (Орёл), Псковской областной универсальной научной библиоте-

ки (Псков), Странноприимного дома Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря (Печоры).

Отдельные благодарности — почетному настоятелю храма Святителя Николая Чудотворца (Касимов) о. протоиерею Владимиру Правдолюбову, поделившемуся воспоминаниями и сделавшему ряд замечаний по тексту книги; настоятелю храма Живоначальной Троицы (Троицкое-Голенищево) о. протоиерею Сергию Правдолюбову, сделавшему ряд ценных уточнений и оказывавшему автору теплую и очень важную духовную поддержку; председателю Синодального паломнического отдела Белорусской Православной Церкви о. протоиерею Александру Ширитону за помощь в организации паломничества в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь; дорогому другу, настоятелю храма Святого великомученика и Победоносца Георгия (деревня Слободка Столбцовского района Минской области Беларуси) о. Николаю Куренкову, который, несмотря на тяжелую болезнь, нашел время ознакомиться с рукописью и сделал ряд замечаний; Артему Юрьевичу Ефимову, благодаря которому автор впервые осознанно прикоснулся к судьбе о. Иоанна; Александре Витальевне Чистяковой, благодаря чьей бескорыстной помощи биографию украсил ряд иллюстраций; прихожанке храма Живоначальной Троицы, краеведу Ольге Сергеевне Бируле-Тиханкиной (село Троица Спасского района Рязанской области), предоставившей ценные иллюстрации и множество интереснейших сведений, касающихся служения о. Иоанна на Рязанщине.

Книга носит заглавие «Отец Иоанн (Крестьянкин). И путь, и истина, и жизнь». На наш взгляд, эта цитата из Евангелия от Иоанна (апостола любви, в память которого о. Иоанн принял монашеское имя) как нельзя лучше отражает суть судьбы старца. Его духовный путь, непрестанно постигаемая им истина и прожитая жизнь гармонично сливались в единое целое — вдохновенное служение Господу и людям. И если благодаря этой книге читатель заинтересуется духовным наследием о. Иоанна или откроет для себя какие-либо новые черты в его образе, задачу, которая ставилась в начале работы над биографией, можно будет считать выполненной. Автор надеется, что книга станет скромным вкладом в дело канонизации о. Иоанна (Крестьянкина).

Биографию автор посвящает памяти своего первого духовного наставника и учителя в литературе — монаха Лазаря (Афанасьева, 1932—2015). Упокой, Господи, его душу.

Слава Богу за всё.

Глава I

РОДНЫЕ МЕСТА

Наш герой родился там-то в таком-то году — так нередко начинаются жизнеописания. После зачина биограф чаще всего сразу переходит к рассказу о семье своего героя и его детских годах, торопясь привести читателя к тому главному, ради чего и затевалась книга. Мы же не будем торопиться, руководствуясь высказыванием Гёте: «Кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта». Под словом «поэт» Гёте, конечно, понимал «человека духа», «творца», и в таком смысле это высказывание вполне применимо к о. Иоанну Крестьянкину — чтобы понять, кем он стал и почему, нужно для начала взглянуть на карту России и найти на ней город с гордым названием Орёл.

Это середина, срединная Русь. Как писал И. С. Тургенев, «на тысячу верст — кругом Россия — родная земля», и это точное определение: от Орла примерно одинаковое расстояние что до северных пределов страны, что до южных. Для местных жителей равно привычны и родны и бескрайние степи, и могучие дубравы Орловского Полесья, и течение Оки, и виды, открывающиеся с покатых холмов Среднерусской возвышенности. Здесь соединяются, сплавляются воедино все особенности, характерные для русской природы разных краев.

Сейчас Орловщина срединна, но когда-то она была южным пограничьем Руси — здесь проходил поход князя Игоря на половцев, здесь, согласно былинам, схватились Илья Муромец с Соловьем-разбойником. И сам город Орёл был основан Иваном Грозным в 1566 году именно как передовая пограничная крепость. К исконным жителям этих мест — потомкам вятичей — добавились городовые казаки, охранявшие Орловщину от набегов степняков. В начале XVII столетия сюда, на окраину, стремились люди, чем-

либо провинившиеся перед государством, беглые крестьяне, будущие участники смут. Безудержная лихость и стойкость в обороне, бунтарский дух и сострадание к ближнему, умение не отчаиваться и способность найти общий язык даже с врагом — эти качества вырабатывались в местных людях столетиями.

На редкость разнообразная природа и бурная история, закалившая народный характер... Неудивительно, что именно Орловщина вдохновляла множество писателей и поэтов, самые крупные величины из которых — Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, А. А. Фет, Н. С. Лесков, Л. Н. Андреев, М. М. Пришвин, Б. К. Зайцев (это только те, кто родился в тамошних местах; писателей, которые какое-то время жили в Орле или рядом, еще больше, и их список по праву возглавляют В. А. Жуковский и И. А. Бунин). Один из них, Николай Лесков, очень точно сказал о своей родине: «Орёл вспоил на своих мелких водах столько литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город». «Плодородное подстепье, где образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все русские писатели», — вторил ему Иван Бунин. Борис Зайцев: «Место встречи северо-средней Руси с южною, Москвы со степью. К западу заходя в Калужскую, к северу в Московскую, области <...> Орла являются как бы Тосканою русской. Богатство земли, тучность и многообразии самого языка давали людей искусства». В этом смысле именно Орёл вполне может считаться третьей, после Москвы и Петербурга, столицей отечественной литературы, а писатели-орловцы по праву причислены к наиболее тонким и чутким знатокам русского характера и мировосприятия.

Не менее интересна и духовная история здешних мест. Вятичи принимали православие медленно и как бы этапами: сначала киевский князь Владимир Святославич крестил их «лучших мужей», а главную миссию по обращению племени в христианство выполнил иеромонах Киево-Печерского монастыря Кукша — по одной из версий, бывший вождь вятичей, плененный и постриженный в монахи Владимиром Мономахом, а затем вернувшийся к своему народу уже проповедником. Киево-Печерский патерик сохранил сведения о многих чудесах, творимых Кукшей, — он «бесов прогна, дождь с небесе сведе, езеро иссуши» (имеется в виду священное озеро язычников). По легенде, которая передавалась в Орле в начале XX века, креститель края жил в лесу недалеко от деревни Карандаково, в десяти верстах

от Мценска. Там он выкопал колодец, получивший в народе название «Страдальческого святого» и сохранившийся по сей день. Там же и оборвалась его земная жизнь — в ночь на 27 августа 1113 года язычники напали на Кукшу и его ученика Никона, долго мучили их, а затем отвели к болоту и обезглавили.

Семена, брошенные священномучеником Кукшей, прорастали трудно и медленно. Несмотря на то что местная знать приняла православие, в землях вятичей новая вера долго соседствовала с язычеством, а проповедники часто становились жертвами разбойников, населявших леса. Дополнительные трудности создавала и отдаленность Чернигова, в епархию которого входила будущая Орловщина. В итоге на момент Батыева нашествия земли вятичей так и не были полностью христианизированы, а век спустя, в 1365-м, они были захвачены Литвой. Только в 1500 году великий князь Московский Иван III закрепил западные города будущей Орловщины за Русью; 66 лет спустя был основан сам Орёл. И хотя край еще долгое время восстанавливался после литовского владычества и набегов татар, Орловщина постепенно становилась южным форпостом православия. В 1500 году в крепости Мценск уже существовал Петровский монастырь; сразу после основания Болхова в 1554-м был создан Оптин монастырь Рождества Богородицы, появились свои обители в Орле (Богоявленская), Ливнах (Сергиевская), Кромах (Троицкая). Смутное время начала XVII века сильно ударило по церковной жизни края, но не прервало ее ход: разоренные монастыри восстанавливались под новыми названиями (мценский Архангельский стал Вознесенским, Петровский — Петропавловским) или переносились в другое место (так, орловский Богоявленский монастырь в 1640-х годах был переведен в Острог, а сорок лет спустя — на Взвозную гору с переименованием в Успенский). В конце столетия были основаны новые обители — Введенский женский монастырь недалеко от Орла, Николаевский женский в Ливнах, Троицкий Свято-Духов мужской и Ильинский женский в Новосиле.

Монастырским краем Орловщина перестала быть лишь при Екатерине II. Согласно штату 1764 года сохранялись только два орловских монастыря — мужской Успенский и женский Введенский; монастыри Мценска, Болхова и Новосилы были выведены за штат (то есть на собственное содержание), а прочие упразднены. Но одновременно росло число приходских храмов: если в 1755 году в Орле было

11 церквей, то в 1787-м — 22. В 1778 году в Севске заработала духовная семинария, а в Брянске и Карачеве — духовные училища. 15 сентября 1779 года такое училище было создано и в Орле, год как ставшем губернским городом. Под него был выделен третий этаж каменного корпуса Успенского мужского монастыря. Всё это причудливым образом сочеталось с отголосками лихой орловской жизни прежних времен — Орловщина была родиной скопчества, там прочно укоренилось старообрядчество (один из иерархов, побывав в Орле, писал, что «здесь почти всё дышит расколом»), время от времени возникали ереси, а священство и монашество страдало от разбойничьих шаек, с которыми не могли сладить местные воинские команды.

В 1788 году была создана Орловская епархия, причем до 1819 года орловские архиереи имели место пребывания в Севском Спасском монастыре. В пределах епархии насчитывалось 824 храма. С конца XVIII столетия почти все древние каменные церкви в Орле перестраивались, закладывались и новые. Так, в день коронации Павла I в 1797 году епископ Орловский и Севский Аполлос (Байбаков) заложил собор во имя Павла Исповедника (постройка этого храма затянулась до 1841 года; с 1861-го он именовался Петропавловским, в 1923-м был закрыт, в 1940-м — уничтожен; сейчас на его месте монументальное здание Орловской областной универсальной научной библиотеки имени И. А. Бунина, фасадная и боковая колоннады которой «позаимствованы» у собора), а в 1801—1817 годах на правом берегу реки Орлик был построен красивейший храм во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделами Святого Архистратига Михаила и Святого Иоанна Воина — он, к счастью, сохранился и радует глаз по сей день.

Дальнейшее развитие церковной жизни Орла и губернии было плавным. В 1819 году епископ Орловский и Севский перенес резиденцию в Орёл, в 1827-м туда же переехала семинария. 1843 год ознаменовался гибелью в пожаре Введенского монастыря, который после этого был воссоздан на юго-восточной окраине Орла; хранившийся в нем список с иконы Божьей Матери Балыкинской с 1858 года почитался как чудотворный. Появлялись в губернии и новые монастыри — в 1875-м Богородично-Всехсвятский, в полуверсте от Болхова, а в 1884-м — Марии Магдалины в селе Никольском. Большими событиями для орловцев стали прибытие 25 августа 1895 года в город написанной в Киево-Печерской лавре иконы священномученика Кукши

и освящение 13 октября 1902 года храма Иверской иконы Божьей Матери, заложенного в честь коронации Николая II. А 6 мая 1904-го государь встретил в Орле свой день рождения. Это посещение императором Орла превратилось в народный праздник, описание которого выглядело так:

«К приезду Царя Орел украсили флагами, гирляндами, вензелями. Места по маршруту следования Царя были заранее распределены между учащимися, представителями сословий и корпораций. Визит Императора превратился в грандиозную демонстрацию верноподданнических чувств.

В Орле Его Величество изволил принимать депутации от города, дворянства, прочих сословий и правительственных учреждений. После приема депутаций Государь Император отбыл в церковь 51-го Черниговского драгунского полка, где слушал Литургию и молебен. Пели полковые певчие и ученики местной церковной школы, а “Верую” и “Отче наш” были исполнены общим пением солдат и присутствующим в храме народом. По окончании богослужения священник отец Митрофан Сребрянский имел счастье обратиться к Государю Императору с приветственными словами. Поблагодарив за приветствие, Николай II милостиво расспрашивал отца Митрофана о состоянии местной церковной школы, о певчих, выразив особое свое одобрение общему пению.

Из церкви Черниговского полка Его Императорское Величество в сопровождении Государя Наследника и Великих князей изволил отбыть в Кафедральный собор, восторженно приветствуемый по всему пути тысячными толпами народа. При входе в собор Императора встретило соборное духовенство во главе с ректором семинарии протоиереем В. А. Сахаровым со Святым Крестом. Приложившись ко Кресту, Государь изволил проследовать вперед и выслушать краткое молебствие с многолетием. После этого настоятельница Орловского Введенского монастыря игумения Антония удостоилась поднести Его Величеству икону Балыкинской Божией Матери. Император Николай с благодарностью принял подношение.

Затем, из собора, Государь отбыл на станцию “Орел” для дальнейшего следования».

Меньше чем через месяц, 3 июня, Орёл посетила также великая княгиня Елисавета Федоровна с мужем, великим князем Сергием Александровичем. Они провожали на японский фронт 51-й драгунский Черниговский полк, августейшим шефом которого была великая княгиня. А 20 ав-

густа 1904 года в Орёл прибыл знаменитый на всю Россию о. Иоанн Кронштадтский. Это был уже третий его приезд в город, раньше он бывал там в октябре 1893-го и сентябре 1897-го. Заутреню и Божественную литургию он служил в Петропавловском кафедральном соборе, который не смог вместить всех орловцев, желавших увидеть легендарного пастыря. 21 августа о. Иоанн посетил также Введенский женский монастырь и уехал в Москву в час ночи...

Так что к началу XX столетия орловцы по праву могли считать свой край не только литературным, но и духовным средоточием России. Именно Орловщина дала стране таких выдающихся иерархов, как митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатов, 1779—1857), архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов, 1800—1857) и епископ Владимирский и Суздальский святитель Феофан Затворник (Говоров, 1815—1894). Уроженцами Орловской губернии были великие русские старцы XIX столетия — преподобные иеросхимонахи Лев (Наголкин, 1768—1841) и Макарий (Иванов, 1788—1860) и их наследники в XX веке, иеромонах Нектарий (Тихонов, 1853—1928) и архимандрит Исаакий (Бобраков, 1865—1938). Глубоко верующим было всё окружение будущего о. Иоанна Крестьянкина. Как он сам вспоминал, до четырнадцати лет — то есть до 1924 года — он не встречал в Орле вообще ни одного неверующего человека.

Символами напряженной духовной жизни города были его многочисленные православные храмы. К 1912 году их насчитывалось в Орле 42, из них 15 приходских, 12 домовых, пять кладбищенских, пять в Архиерейском доме, четыре во Введенском монастыре. Отдельностоящими зданиями были 28 храмов, из которых до наших дней дошли 10. Из 18 погибших храмов шесть были разрушены в 1920—1930-х годах, четыре — во время Великой Отечественной, семь — с 1946 по 1991 год; последней, в октябре 1996-го, сгорела деревянная кладбищенская церковь Воскресения Христова. Но даже сейчас, после всех перенесенных утрат, в Орле можно любоваться как архитектурой старинных храмов, так и их расположением: в центре города, кажется, нет такой точки, откуда не был бы виден хоть один золотой крест над куполом.

А в остальном Орёл начала XX века тоже являл собою характерное для тех мест смешение возвышенного и земного, мило-провинциального и почти столичного. Во многом это был один из самых передовых городов России — в Орле

появились один из первых в стране водопроводов (1863), телефонов (1881), телефонных станций (1892); 4 ноября 1898-го пошел по улицам новенький трамвай — пятый в империи после киевского, нижегородского, курского и витебского. Железная дорога прошла через Орёл еще в 1868-м и в начале века воспринималась уже как нечто само собой разумеющееся, а Орловско-Витебский вокзал — очень красивый, внешне напоминавший старинный замок, — был городской достопримечательностью. На улицах еще преобладали керосиновые фонари (950 против 66 электрических), но электричество с каждым годом завоевывало новые позиции. Действовали многочисленные, хотя и небольшие заводы и фабрики (на 1886-й — 104, на 1913-й — 178); были построены изящные металлические мосты: Мариинский через Оку и Александровский через Орлик; возводились дома, которые отлично смотрелись бы и в столицах — дом-башня Похвалинского, дом Серебрянниковых, гостиница «Берлин», Северный банк. Особенно быстро город развивался при городских головах Д. С. Волкове (1887—1893) и Н. И. Чибисове (1894—1901). Именно на переломе столетий начался резкий рост населения Орла. Если на протяжении XIX века в городе жило в среднем 25—30 тысяч человек, то в 1897-м — 69 700, а в 1914-м — уже 96 200. При этом «местными уроженцами», то есть коренными орловцами, не являлись почти 36 тысяч человек, а 44 процента населения относили себя к крестьянам. Затем численность горожан резко сократится и снова выйдет на дореволюционный уровень только в середине 1930-х.

В самом начале столетия Орёл успел пройти через бурные события. На протяжении трех дней, с 7 по 9 октября 1905-го, по Болховской улице с пением «Марсельезы» двигались демонстрации под красным флагом. Бастовали почтово-телеграфная контора, служащие станции Орёл, типография; в здании Дворянского собрания можно было найти листовки антиправительственного содержания... Но дальше этого дело не пошло. И если не считать этого эпизода, жизнь провинциального города была размеренной и спокойной. Орловцы гуляли по плавно спускавшейся к реке главной улице — Болховской, торговали на Кромской площади, по праздникам веселились в Шредерском саду, названном в честь губернатора Николая Шредера, и в саду «Дворянское гнездо», где в 1903-м открылся бюст Тургенева, брали книги в библиотеке «Орловского вестника», фотографировались на память у Эрдмана или Вареника, покупали ткани у бра-

тьев Толстиковых, ноты — в музыкальном магазине Петикова, а лекарства — в аптеке Косовского, провожали родных в последний путь на Крестительском кладбище...

Вот в таком городе, где сливались воедино русский север и русский юг, самое современное и седая старина, где рядом мирно существовали потомки казаков и разбойничьей вольницы, «бунташных людей» и раскольников, а над ними, напоминая о жизни иной, вечной, вздымали кресты сорок храмов, жила обыкновенная семья Крестьянкиных. Эта фамилия довольно часто встречается в метрических книгах орловских храмов. Так, известный краевед Александр Михайлович Полынкин обнаружил множество Крестьянкиных в метриках храма Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». Там встречаются, например, сведения о рождении в 1852 году сына Ивана у 28-летнего купца 3-й гильдии Василия Ивановича Крестьянкина и его жены Марии Ивановны Лямцевой; о присоединении в том же году из раскола к православию 22-летнего купца 3-й гильдии Ильи Ивановича Крестьянкина и его женьитбе на Евдокии Олимпиевне Никитиной; о рождении в 1853-м у братьев Василия и Ильи Крестьянкиных детей — соответственно Дмитрия и Елизаветы. Скорее всего, все орловские Крестьянкины доводились друг другу родственниками и свойственниками. И, как видно, были людьми практическими, приземленными — и, в любом случае, небогатыми, не входившими в число «первых лиц» города и губернии. Кто-то из них выходил в низшую, 3-ю, гильдию купечества (в 1863-м ее отменили), но большинство состояло в мещанском сословии.

Сейчас слово «мещанин» звучит с осуждающим обертоном, обозначая человека, живущего узкими, корыстными интересами, ограниченного и бездуховного. Но в XIX веке никакого отрицательного смысла это понятие не несло. Тогда оно обозначало целое сословие — под «мещанами» понимали горожан, занимавшихся мелкой торговлей и ремесленничеством, владевших недвижимостью. Сословие это было наследственным, но пополнялось также за счет отставных солдат, бывших крепостных и государственных крестьян, обедневшего купечества. В свою очередь, разбогатевшие мещане переходили в купеческое сословие, после чего могли за особые заслуги получить и личное (а позже — потомственное) дворянство. По данным переписи 1897 года, в России проживало 13 миллионов 386 тысяч мещан, то есть предки о. Иоанна Крестьянкина входили во вторую по численности социальную группу страны после крестьянства.

15 марта 2018 года А. М. Полынкин сделал в фондах Государственного архива Орловской области настоящее открытие — он обнаружил ранее бывшую неизвестной исследователям запись о рождении отца героя этой книги, Михаила Дмитриевича*. До этого считалось, что М. Д. Крестьянкин родился в 1860 году, однако, как следует из архивных данных, дата его рождения — 15 октября 1862 года. Таинство Крещения в тот же день совершили о. протоиерей Николай Тихомиров (1811—1867; его перестроенный дом сохранился в Орле по сей день) с диаконом Иоанном Гедеоновым и причетниками Сергием Морозовым и Сергием Соломиным; спешка, с которой крестили младенца, скорее всего, была связана с его слабым здоровьем. Имя Михаил Крестьянкин получил в честь святителя Михаила, первого митрополита Киевского и всея Руси. Восприимниками были мещанин Василий Петрович Немытов (его родной дядя по материнской линии) и купеческая жена Мария Ивановна Мещеринова.

Родителями М. Д. Крестьянкина — и, соответственно, дедом и бабушкой о. Иоанна Крестьянкина по отцовской линии — были орловский мещанин Дмитрий Федорович Крестьянкин и купеческая дочь Анна Петровна Немытова. Венчались они 8 ноября 1861 года в Смоленском храме, поручителями по жениху были орловские мещане Петр Михайлович Черепенинов и Петр Афанасьевич Цыцын, по невесте — орловские мещане Стефан Иванов и Александр Афанасьевич Цуканов. Венчал деда и бабушку о. Иоанна тот же священник, который крестил его отца, — о. протоиерей Николай Тихомиров**. Кроме Михаила, в семье Крестьянкиных были также сыновья Илья (год рождения которого неизвестен) и Иван, родившийся в 1865 году, а в 1896-м женившийся на семнадцатилетней орловской мещанке Елизавете Ивановне Белоусовой.

Дед о. Иоанна, Дмитрий Федорович, родился в 1829 году, а вот дата его смерти пока неизвестна. Супруга его Анна Петровна родилась в 1844-м и скончалась 11 сентября 1908 года в возрасте 64 лет («от старости», уточняет метрическая книга). В записи о смерти она названа вдовой. Значит, дедушка и бабушка воспитанием будущего о. Иоанна заниматься, увы, не могли.

---

* Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 3330. Л. 163об. — 164.

** Там же. Л. 149 об. — 150.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru